

К Вопросу о Присвоении Титулов у Древних Тюрков

Андрей Кубатин

Ташкентский государственный институт востоковедения,
Узбекистан

Резюме: В Тюркском каганате, подобно другим государствам, созданных кочевыми и оседлыми этносами Евразии, имелись свои традиции государственности, связанные с системой титулов. Среди них особое место занимал порядок присвоения титулов. Это было связано с тем, что у древних тюрков место и политический вес члена общества во многом определялись его титулом, закреплявшим положение его носителя в системе социальных связей и соподчинений. В Тюркском каганате особое место занимали, связанные с титулом, понятия *er at* “мужское имя/мужский титул”, а также *erdäm*, *er erdämi* “достоинство, доблесть, добродетель”, “мужская доблесть/мужское достоинство”.

Присвоение титулов осуществлялось непосредственно каганом на основании древнетюркского сборника традиционных законов – *törü/töre*. Для назначения чиновников на определенные должности и присвоения им различных титулов каганы созывали государственный совет - *qurultay*.

Ключевые слова: Тюркский каганат, система титулов, титул, *er at*, *erdäm*, *er erdämi*, каган, *törü/töre*, *qurultay*.

Введение

Во всех известных нам государственных объединениях, созданных тюркоязычными этносами на всем протяжении всей истории человечества, имелась своя социальная иерархия, закреплявшая место членов общества в ее социальной и политической структуре. Таким образом, общество строго ранжировалось, и для обозначения каждого из его рангов имелись свои специальные термины, которые можно объединить под общим понятием «титул», которое в древнетюркском языке передавалось термином «*at*» (Кубатин, 2016, с. 54-57). Несомненно, в древнетюркских государствах, в том числе, в Тюркском каганате, подобно другим государствам, созданных кочевыми и оседлыми этносами Евразии, имелись свои традиции государственности, связанные с системой титулов, среди которых особое место занимал порядок присвоения титулов.

Прежде чем перейти к рассмотрению вопроса о том, каким являлся порядок присвоения титулов в Тюркском каганате, следует остановиться на мнениях некоторых исследователей, высказанных по этому поводу. В этом отношении заслуживает внимания высказанная в связи с этим вопросом точка зрения Л.Н. Гумилева, который в свое время останавливался на системе титулов Тюркского каганата. По мнению исследователя, согласно имевшейся у древних тюрков традиции, у каждого человека имелось свое имя, связанное с его возрастом и деятельностью. Исходя из положения, занимаемого человеком в обществе, ему выбиралось определенное имя, точнее, имя давалось ему членами общества. Т.е., положение человека в юношестве и по достижении зрелости отличалось друг от друга, и ему давались имена и прозвища

согласно его положению в обществе. Таким образом, в большинстве случаев личность звалась не своим личным именем, а прозвищем или титулом. Яркое свидетельство этого имени представителей правящего сословия Тюркского каганата, упоминаемых в источниках на разных языках в связи с различными событиями. По утверждению Л.Н. Гумилева, каждый из князей (беков, чиновников) имел кроме собственного («звериного») имени титул, который менялся в зависимости от занимаемой им должности (Гумилев, 1967, с. 57). Исследователь, обратив внимание на то, что некоторые тюркские каганы выступают в истории под двумя или тремя именами, связывает это с тем, что правитель до восшествия на престол и став каганом, принимал имя в соответствии с лестничной системой (Гумилев, 1967, с. 57, 90). Действительно, в китайских хрониках при освещении деятельности каждого из тюркских правителей, встречается много сведений о том, что почти каждый из них имел одно имя до вступления на трон и получал другое после восшествия на него (Бичурин, 1950, с. 233, 235, 239). Так, Л.Н. Гумилев, в качестве примера этого, приводит имя одного из представителей правящего дома Каганата, зафиксированного в китайских хрониках первоначально под именем *Шэ-ту* (攝圖), который в свою бытность наместником одного из уделов на востоке имел имя *Эр-фу* (爾伏; др.тюрк. **Er-beg*), а став каганом, принял титул *Или гуй-лу Ше Мо-хэ Ша-бо-ло каган* (伊利俱盧設莫何始波羅可汗). Исследователь, восстанавливая древнетюркский облик этого имени-титула в форме **el külüg-šad baya išbara-qayan*, переводит его, как “Державы славный шад, божественный могучий каган” (Гумилев, 1967, с. 57).

В связи с порядком присвоения титулов в Тюркском каганате в дополнение к вышеупомянутому можно сказать, что в китайских хрониках имеются сведения относительно того, каковы были имена почти всех правителей двух частей Тюркского каганата до восшествия на престол, и какие имена и титулы они получили после того как взошли на трон. Так, в китайских хрониках имеется такое сведение о западно-тюркском правителе, убившем в 628 году Тун-ябгу-кагана и занявшем трон: “*Мо-хэ-ду* (莫賀咄可汗; **Baxadur*) ... сел на трон с титулом *Кюй-ли Сы-би/Сы-ни* (屈利俟比/屈利俟毗; **Külüg Sibir*) каган”, а также отмечается, что царевичи *Тун-во ше* (同俄; **Toŋa-šad*) и *Юй-ге ше* (欲谷設; **Yuquq-šad*), правившие друг за другом в Западно-Тюркском каганате в период 630-640 годов, взошли на трон под титулами *Ша-бо-ло Хи/ди-ли-ши* (沙鉢羅啞利失可汗; **İšbara (el) teriš*) каган и *И-би Ду-лу* (乙毗咄陸; **Yelbi-Tulu*) каган соответственно (Бичурин, 1950, с. 284, 286). Подобное было характерно и для Восточно-Тюркского каганата. Так, *Гу-ду-лу ше* (骨咄緑設; **Qutluq-šad*), взошед на трон, стал называться титулом *El-teriš qaγan*, а его брат *Мо-чжо* (默啞; *Bögü-čor*) получил по восшествии на престол титул *Qaγan qaγan*. Уместно отметить, что исследователи первое из имен *el-teriš* считают образовавшимся от древнетюркского глагола *ter-* “собирать, объединять” и имеющим значение “создавший государство”, а второе же производным от глагола *qar-* “хватать, захватывать” и имеющим значение “завоеватель, победитель, покоритель” (Sümer, 1999, s. 56-57). Значит, каждый из двух братьев, достигнув совершеннолетия, получил определенный эпитет, а после того, как они стали каганами, к ряду этих эпитетов добавились новые эпитеты, связанные уже с достоинствами кагана. В сведениях

хроник относительно правителей говорится об их “именах, которые они имели до восшествия на престол и после того, как стали каганами”, но если обратиться к их составу, то становится ясным, что большинство их имен как во время, когда они являлись царевичами, так и после их восшествия на престол, не являлись их личными именами, а были определенными эпитетами и титулами. В частности, заслуживает внимание тот факт, что все упомянутые выше имена *Baxadur*, *Toŋa-šad*, *Yuquq-šad*, *Qutluŋ-šad*, *Bögü-čor/Bögü-šad*, которые зафиксированы в источниках в качестве дотронных, не были личными именами, а являются титулами с эпитетами.

Здесь, вполне естественно может возникнуть вопрос: “ведь их имена могут являться личными именами, сформированными из эпитетов и титулов?”. Однако, если обратиться к именам царевичей, осуществлявших деятельность в Тюркском каганате, или вообще к именам представителей династии Ашина, то выясняется, что они схожи друг с другом и состоят из имен, напоминающих эпитеты и титулы. Кроме того, учитывая, что царевичи, прежде чем стать каганами, также занимали определенную должность, то вполне естественно, что их предтронные имена были титулами с эпитетами. Вместе с тем, подобное положение характерно и для высших представителей правящей верхушки Тюркского каганата. Кроме того, следует отметить, что все чиновники Каганата, занимающие различные положения и имеющие различные ранги, зафиксированы в источниках не под личными именами, а под титулами с эпитетами. Таким образом, как мы можем видеть, в Тюркском каганате имела место традиция называть правителя и всех чиновников не личными именами, а титулами с эпитетами и

это положение нашло свое отражение в источниках на различных языках.

Немаловажен тот факт, что в источниках на различных языках, связанных с историей не только Тюркского каганата, но и десятков других тюркских государственных объединений, существовавших после него, их правители и чиновники упоминаются не под своими личными именами, а, в основном, под титулами и эпитетами. В особенности, это положение нашло свое яркое отражение в древнетюркских памятниках, относящихся к Тюркскому, в том числе и Западно-Тюркскому каганату (Кызласов, 2005, с. 54-61), а также Уйгурскому и Киргизскому каганатам. Правда, хотя в китайских хрониках указывается каким было имя того или иного тюркского кагана до его восшествия на престол, однако их большинство также не являются личными именами, а имеют характер титула или эпитета. На наш взгляд, в основе такого положения лежит присущая древним тюркам традиция – при обращении к какому-либо лицу, обращаться к нему не именно по имени, которое он получил при рождении или имел в детстве, а по титулу или прозвищу, полученному им исходя из положения, занимаемого им в обществе на данный момент. Так, в стелах встречаются такие выражения как *er atī* – “мужское имя/мужский титул” , *er at bultī* – «нашел мужской титул/прозвище (стал обладателем мужского титула/прозвища)», которые исследователи связывают с древнетюркской традицией, согласно которой каждая личность в детстве, юношестве и зрелости имела различные имена (Абдурахмонов, Рустамов, 1982, б. 108; Tekin, 2003a, s. 233, 235; Tekin, 2003b, s. 47). Правда, под этими выражениями, по-видимому, не следует понимать только титул или эпитет. Возможно, это было в полном смысле также прозвищем личности, даваемое ему

обществом за проявленные им мужество и стойкость. Однако тот факт, что в древнетюркских памятниках особо подчеркивается выражение *er at* и оно занимает место при упоминании определенных титулов и эпитетов личности, требует, чтобы его связывали с системой титулов. Добиться *er at*, т.е. «мужского имени/мужского титула» было одним из важных условий для каждого члена древнетюркского общества, и для этого претендент должен был проявить свои хорошие качества, в том числе, героизм и мужество в бою. В связи с этим в стелах также часто встречаются выражения *erdäm*, *er erdämi*, имеющих значение “достоинство, доблесть, добродетель” и “мужская доблесть/мужское достоинство” (Tekin, 2003a, s. 231-235; ДТС, 1969, с. 176). Как видно из содержания стел, *er erdämi* в древнетюркском обществе считалась одним из важных качеств, и почти во всех в них деятельность членов общества – успехи в битве и во время охоты, служение народу и государству, путешествие в другие страны в качестве посла и т.п., упоминаются в качестве “мужской доблести/мужского достоинства”.

Кроме того, в стеле Кюль Тегина встречается следующая фраза, приведенная от имени Бильге кагана: “*Umay-täg ögüm qatun qutiña inim Kül Tägin er at bultı* – Благодаря счастливому уделу моей матери – хатун, подобной Умай, мой младший брат Кюль-тегин снискал воинское имя (получил мужской титул)” (Тугушева, 2008, с. 44; Абдурахмонов, Рустамов, 1982, б. 108). На наш взгляд, в большинстве случаев *er at* (мужское прозвище/мужской титул), который присваивался в Каганате исходя из проявленных личностью качеств и достоинств, в основном, состоял из прозвищ или титулов с эпитетами. В качестве примера этого можно привести имя царевича Кюль Тегина. Так как, эпитет *kül* имел значение

“известный, прославленный, знаменитый”, то соответственно, *kül-tegin* имел значение “прославленный царевич”. Как из древнетюркских памятников, так и из китайских хроник известно, что этот царевич был одной из главных фигур в военных действиях Второго Восточно-Тюркского каганата. Это, в свою очередь, дает возможность считать, что он получил титул *kül-tegin* из-за своей славы, завоеванной им в обществе.

Как отмечалось выше, чиновники и правящая верхушка Тюркского каганата в источниках почти не упоминаются под своими личными именами, а в большинстве случаев они нам известны через свои титулы и эпитеты, которыми они обладали. Причиной говорить так является то, что большинство исторических личностей, связанных с Каганатом упоминаются, в основном, под схожими друг с другом, напоминающими титулы и эпитеты именами. В частности, если основатель Второго Восточно-Тюркского каганата Кутлуг (682-691) упоминается в стелах под именем *El-teriš*, имеющего значение “собравший народ, государство” (Абдурахмонов, Рустамов, 1982, б. 78, 104), то в китайских хрониках отмечается, что Танская империя посчитала его младшего брата Бёгю-чор Капган кагана (691-716) достойным титула **El-teriš uluγ šan-yüü* (кит. *сйе-тйе-ли-ши да шань-юй* / 頡跌利施大單于) (Eski T’ang tarihi, 2006, s. 240). Это, в свою очередь, дает возможность считать, что имя Кутлуг кагана *El-teriš* в действительности является не личным именем, а, возможно, эпитетом или почетным титулом.

По-видимому, каждой мужчина получал “мужской титул/мужское имя”, т.е. эпитет при достижении зрелости, которое он использовал до своей смерти, и которое по мере его

продвижения по иерархической лестнице добавлялось к его титулам. В качестве примера этого можно привести имена восточно-тюркских каганов, как Кутлуг Эльтериш и Бёгю-чор Капган. В действительности ни одно из них не являлось личным именем; если первая часть была мужским именем - *er at*, то вторая часть являлась титулом, который они имели на определенных этапах. Причина подобного утверждения заключается в том, что в китайских хрониках Эльтериш каган в разные периоды своей жизни упоминался под именами **Qutluγ-čor*, **Qutluγ-šad*, **Qutluγ-qayan*, а Капган каган упомянут в китайских и тибетских источниках как *Bögü-čor*, а в древнетюркских памятниках как *Bögü-qayan*, *Bögü-šad* (Rybatzki, 2000, p. 223). Из этого видно, что вышеупомянутые правители, прежде чем получили титул *qayan* имели титул *šad*, а до него титул *čor*, но при этом всегда имели эпитеты *qutluγ* и *bögü*. В этот ряд можно включить и имена Бильге (716-734) и Озмыш (742-744) каганов, хотя и не сохранились сведения об их первоначальных эпитетах. В частности, титул первого из них зафиксирован в китайских хрониках как *би-цзя ше* (毗伽設; **bilgä-šad*), а в древнетюркских стелах в форме *Bilgä qayan*, второй же в древнетюркских памятниках упомянут как *Ozmış-tegin*, а в китайских хрониках, как *у-су-ми-ши ке-хан* (烏蘇米施可汗; **Ozmış-qayan*) (Rybatzki, 2000, p. 228-230; Каржаубай, 2002, с. 76). Возможно, эти эпитеты являлись их определенными «мужскими титулами», которые они заслужили благодаря своим положительным качествам и достоинствам, впервые проявленными ими в обществе и политической жизни во время их зрелости.

Теперь остановимся на вопросе о том, каким был в Тюркском каганате порядок присвоения титулов чиновникам,

каким образом повышались их ранги и отличались ли обладатели различных титулов особыми знаками. Так, в китайских хрониках имеется сведение о том, что на горе называемой *Цзя-дань* (羯丹), располагавшейся в 40 ли (20 км) к северу от реки *Суй-е шуй* (碎葉水), на которой располагалась столица Западных тюрков город Суяб, раз в год проводились религиозные церемонии, и проходило назначение чиновников на должности (Chavannes, 1903, p. 10; Лурье, 2005, с. 86). На основании данного сведения можно сделать вывод о том, что каганы созывали государственный совет - *qurultay* и на нем назначали чиновников на определенные должности, а также присваивали им различные титулы. Титулы присваивались на основании древнетюркского традиционного закона – *törü/töre*, что подтверждается выражением “*ol törüdü üzä äčim qaγan olurti* - Согласно той *тёрю* (тому закону) мой дядя *каган* сел (на трон)” (Тугушева, 2008, с. 41; Абдурахмонов, Рустамов, 1982, б. 105), которое нашло свое отражение в стеле Кюль Тегина.

Как показывают сведения письменных памятников Второго Восточно-Тюркского и Уйгурского каганатов, которые являются источниками, созданными внутри древнетюркской среды, присвоение титулов осуществлялось непосредственно каганом. Это можно видеть на примере следующих выражений: *bars bäg erti qaγan at bunta biz birtimiz* – «Барс был беком, мы здесь (или: при тех обстоятельствах) даровали (ему) титул каган» (стела Кюль Тегина, Восточная сторона, строка 20) (Малов, 1951, с. 38; Tekin, 2003b, s. 42-43); *Töläs, Tarduš budunıy anta etmiş. Yabyuy, šadiy anta bermiş* – «тогда же он дал устройство (т.е. управление крыльями) народам Толес и Тардуш, и назначил тогда ябгу и шада» (стела Кюль Тегина, Восточная сторона, строки 13-14) (Малов, 1951, с. 38; Tekin, 2003b,

s. 42-43); *inänču apa yarıyan tarqan atıy bertim* – «(ему) я даровал титул Инанчу Апа Йарган Таркан» (стела Кюль Тегина, Западная сторона) (Tekin, 2003b, s. 54); *qayın atıy bunta biz bertimiz* – «мы здесь (или: при тех обстоятельствах) даровали (ему) титул каган» (стела Бильге кагана, восточная сторона, строка 17) (Tekin, 2003b, s. 66-67); *atsiz ... /qa at bertim* – «не имеющим титула я даровал титул» (стела Бильге кагана, восточная сторона, строка 41) (Tekin, 2003b, s. 76); *şad atıy anta bermiş boltuqda toquz oğuz t¹g² yağı ärmış bädük ärmış* – «и тогда дал звание шада; после этого девять бегов (?) огузов были врагами, были значительными» (Онгинская стела, строка 6) (Малов, 1959, с. 10); *alpın ärdämin üçün apa tarqan çıqan toñuquq atıy bermiş* – «за храбрость и доблесть я даровал (ему) титул Апа Таркан Чыкан Тоньюкук» (стела Кюли чора (Кюль ич чора, строка 1) (Айдаров, 1971, с. 336); *eki oylıma yabıy şad at birtim tarduş, töläs bodunqa bertim* – «двум моим сыновьям я дал титулы ябгу и шад, я дал (их в правители) народам Тардуш и Толес» (стела Шине усу, восточная сторона, строка 7) (Малов, 1959, с. 36, 40; Айдаров, 1971, с. 347); *kiçig atlıyıy ulıartdım* – «Я возвысил имеющих малые титулы» (стела Бильге кагана, восточная сторона, строка 41) (Tekin, 2003b, s. 76; Şirin User, 2009, s. 295). Кроме того, это подтверждается также данными Сюань Цзана (627/629-645), который упоминает о том, что *е-ху кэ-хань* (業護可汗; **yabıy-qayın*), выбрав из числа своих воинов одного юношу, который знал языки и должен был сопровождать его в пути, и присвоил ему титул *мо-ду да-гань* (莫咄達干; **bayatur-tarqan*) (Зуев, 2002, с. 265).

Еще одним из свидетельств, связанных с порядком присвоения титулов в Тюркском каганате является следующее сведение из сочинения «Тун дзянь»:

“Его (их) титулы *ше-ху* (業護; **yabyu*), *шэ* (設; **šad*), *тэ-лэ* (特勒; **tegin*). Они в основном бывают сыновьями, братьями кагана и из членов этого дома. А также, имеются должности *и-цзин* (乙斤; **erkin*), *цюй-люй-чжо* (闕律啜; **kül-čor/külüg-čor*), *йень-хун-да* (閼洪達; *...?), *сы-ли-фа* (俟利發; **eltäbär*), *мунь* (吐屯; **tudin*), *сы-цзинь* (俟斤; **erkin*) и другие, на которые могут быть назначены все” (Taşağıl, 1995, s. 107).

Данное сведение четко показывает, какие титулы в Каганате могли получить только члены правящей династии и какие могли получить как представители правящего дома, так и личности не принадлежащие ему. Таким образом, только четыре титула - *qayan*, *yabyu*, *šad* и *tegin*, принадлежали членам правящей династии Ашина, остальные же могли присваиваться, как членам этой династии, так и представителям различных родов и племен. В качестве исключения можно привести факт присвоения некоторых имперских титулов личностям, не происходящих из рода Ашина и не являющихся представителями тюркских племен. Так, из китайских хроник «Суй-шу», «Синь Таншу» и «Цзю Таншу» известно присвоение Тюркским каганатом некоторым китайским чиновникам, служивших династии Суй и перешедших на службу к тюркам, титулов *tegin*, *šad* (Drompp, 2007, p. 10, 19). Это, по-видимому, было сделано Каганатом с целью привлечения на свою сторону чиновников Китайской империи.

Как известно, титулы *erkin*, *čor* и схожие с ними титулы присваивались в первую очередь главам родов в крыльях — представителям родов, входящих в состав крыльев Ду-лу (咄陸) и

Ну-шу-би (弩失畢) в Западном каганате, а также крыльев *Töles* и *Tarduš* в Восточном каганате. Вместе с тем, некоторые представители нетюркских этносов, служившие в центральном правительстве Каганата, в том числе, чиновники согдийского, китайского и иного происхождения, получив титулы, присущие Каганату, участвовали в его управлении. Так, в китайских хрониках встречается сведения о том, что в период правления Восточного тюркского кагана *Ши-би* (始畢可汗; 609-619), одним из его министров был согдиец по имени *Ши-шу-ху-си* (史蜀胡悉), а во дворце Эль-кагана (кит. *сйе-ли кэ-хань*; 頡利可汗) приближенным (“воспитатель”) был *Ху-лу да-гуань* (胡祿達官; **Uluγ-tarqan*), происходивший из племени *Ту-йу-хунь* (吐谷渾; * *Toγun*) (Taşağıl, 1995, s. 64; Eski T'ang tarihi, 2006, s. 168).

Кроме того, традиция присвоения Тюркским каганатом своим вассалам титула *eltäbär* и отправления для их контроля одного своего представителя - чиновника с титулом *tudun*, также позволяет значительно осветить вопрос о том, каковым был порядок присвоения титулов Каганате. Между прочим, известно, что каганы, когда давали титулы своим вассалам, придерживаясь определенного порядка, присваивая главам относительно больших племен и правителям оазисных владений титул *eltäbär*, а главам более мелких племен и родов титул *erkin*, который занимал более низкую ступень иерархии.

Чтобы получить определенное представление относительно данной проблемы, следует также обратиться и к сведениям, относящимся к государственным объединениям, существовавшим до Каганата и после него. В частности, в китайских хрониках сохранился ряд сведений о порядке присвоения титулов у кочевых

народов Центральной Азии, среди которых особого внимания заслуживает следующее сведение из хроники Вэй шу, связанное с Жуань-жуанами:

“По обычаям жуаньжуаней правитель и сановники принимают прозвища в зависимости от поступков и способностей, подобно тому как в Срединном государстве (Китай) даются посмертные титулы, но у них после смерти почетные титулы не подносятся” (МИДКНД, 1984, с. 269).

Если исходить из факта заимствования значительной части титулов Тюркского каганата от государства Жуань-жуаней, то можно считать, что порядок присвоения титулов Каганата в определенной степени должен быть схож с порядком присвоения титулов жуань-жуаней. В особенности, следует отметить, что такое сведение как *“у них после смерти почетные титулы не подносятся”*, относящееся к жуань-жуанам, справедливо и по отношению к Тюркскому каганату. Ни в древнетюркских памятниках, ни в китайских хрониках и источниках на других языках, известных на сегодня, мы не встречаем сведений о том, что у древних тюрков чиновник или представитель правящей династии после смерти получал какой-либо титул.

Еще одним из вопросов, связанных с порядком присвоения титулов в Каганате является вопрос о том, как вел себя каждый новый правитель по отношению к придворным и чиновникам, приступая к своим обязанностям. Нужно отметить, что хотя в источниках не имеется подробных сведений, непосредственно говорящих об этом, но на основании некоторых примеров можно получить определенное представление. Разумеется, каждый новый каган, естественно, стремился в первую очередь окружить себя

своими сторонниками и доброжелателями, а также дать им различные высокие должности. Однако, как видно и в этом вопросе каганы должны были следовать сборнику обычаев и законов, имеющих в Каганате – *törü*. Наверное, по этой причине, в древнетюркских памятниках заняло место выражение, в котором говорится о кагане, что “он [каган-отец] создал [вновь] и обучил законам (*törü*) предков.....Тогда он назначил *yabyu* и *šada*” (Айдаров, 1971, с. 293). Кроме того, каганы должны были найти общий язык с чиновниками, в первую очередь, с членами правящего дома или в определенной степени считаться с их желаниями. Так, в китайских хрониках часто встречаются сведения о том, что каганы назначали своих братьев и родственников в качестве «малых каганов» и выдали им определенные территории государства в качестве уделов для управления, таким образом, укрепляя свою власть. В качестве примера можно привести назначение Восточно-Тюркским каганом Ишбарой (沙鉢略可汗; 581-587) в различные части своей державы своих родственников в качестве «малых каганов» (Бичурин, 1950, с. 235). Это свидетельствует о том, что *каган* не обладал безграничной и абсолютной властью и должен был осуществлять политику и действовать, советуясь с чиновниками и членами государственного совета, посредством созыва курултаев. В частности, свидетельством этому может стать и такой факт, как дискуссия по поводу членов совета и нового кагана, который должен был быть избран, появившаяся в связи с завещанием вышеупомянутого Ишбара кагана, который перед смертью назначил своим преемником своего младшего сына *Чу-ло-хоу* (處羅侯), вместо старшего сына, который должен был стать каганом (Taşağıl, 1995, s. 116).

Уместно отметить, что определенное представление об этом можно также получить, обратившись к истории империи Чингиз-хана, которая, как известно, в своем государственном управлении продолжала традиции Тюркского каганата. Согласно имеющейся у монголов традиции, при интронизации каждого нового *каан(хан)* созывался курултай, на котором присутствовали представители знати и военачальники, на котором они приносили присягу в верности (Трепавлов, 1993, с. 69). Подобная традиция имела также и в мусульманских государствах средневековья, когда правитель, чтобы получить от своих подданных признание своей власти и обещания верной службы, созывал специальное собрание, которое называлось “*бай‘ат*” (Туан, 1986, р. 1113-1114). Еще одним примером, который опосредованно относится к вопросу о присвоении правителем титулов и назначении им на должности чиновников, является система управления Хивинского ханства, которая была организована на основе тюрко-монгольских и мусульманских традиций. Так, в Хивинском ханстве многие должности были, как правило, наследственными и переходили от отца к сыну, а при отсутствии прямых потомков – к ближайшим родственникам: брату, племяннику и т.д., в зависимости от обстоятельств. Этому «правилу соблюдения прав лояльности и длительности службы» следовали так строго, что оно действовало, за редким исключением, даже в тех случаях, когда: 1) чиновников отстраняли от должности за серьезные проступки с последующим их арестом или казнью; 2) преемники были очень молодыми, например, 11 лет от роду (Āgahī, 2012, р. v). Можно предполагать, что корни традиции наследования должностей в Хивинском ханстве упираются в период Тюркского каганата.

Это мнение подтверждается и сведениями китайских источников, в которых отмечается, что у тюрков титулы (а также, должности) по большей мере являются наследственными и переходят от отца к сыну, от старшего брата к младшему (Кюннер, 1961, с. 328; Taşağıl, 1995, s. 114). Подобные сведения встречаются и в византийских источниках. Так, Менандр, описывая послов Каганата, отправленных в 560-году в Византию, относительно посла по имени *taγma-tarxan* отмечает, что он был очень молодым и данный титул достался ему по наследству (Stark, 2008, s. 258). То есть, титулы, в определенной степени, принадлежали семьям. Таким образом, получение должностей и соответствующего титула следует рассматривать в качестве особой привилегии, полученной определенными лицами, в том числе, и их семьями. Это положение было присуще системе управления не только Тюркского каганата, но и для многих тюркских династий, существовавших после него. Как пример этого, упомянутое выше сведение о Хивинском ханстве, в котором даже когда чиновник обвинялся в преступлении и подвергался смертной казни, на его место назначался один из его сыновей или братьев.

Заключение

Итак, рассмотренный выше материал показывает, что практически все каганы, представители правящей верхушки и чиновники Тюркского каганата упоминаются в письменных источниках не под своими личными именами, а под титулами и эпитетами. Это было связано с тем, что у древних тюрков место и политический вес члена общества во многом определялись его титулом, закреплявшим положение его носителя в системе

социальных связей и соподчинений. Соответственно, в древнетюркском обществе особое место занимали, связанные с титулом, понятия *er at* “мужское имя/мужский титул”, а также *erdäm, er erdämi* “достоинство, доблесть, добродетель”, “мужская доблесть/мужское достоинство”.

Сведения письменных источников позволяют говорить, что присвоение титулов осуществлялось непосредственно каганом на основании древнетюркского традиционного закона – *törü/töre*. Для назначения чиновников на определенные должности и присвоения им различных титулов каганы созывали государственный совет – *qurultay*. При этом получение должности и титула было особой привилегией, полученной определенными лицами, в том числе, и их семьями. Титул в большинстве случаев был наследственным, и переходили от отца к сыну, от старшего брата к младшему. То есть, самому старшему мужчине в роду. Это положение было присуще системе управления не только Тюркского каганата, но и для многих тюркских династий, существовавших после него вплоть до начала XX века. Яркий пример этого, система титулов Хивинского ханства, в котором даже когда чиновник обвинялся в преступлении и подвергался смертной казни, на его место назначался один из его сыновей или братьев.

Литература

- Абдурахмонов, Г., Рустамов, А. (1982). *Қадимги туркий тил*. Тошкент: Ўқитувчи.
- Айдаров, Г. (1971). *Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века*. Алма-Ата: Ғылым.

- Бичурин, Н.Я. (Иакинф) (1950).** *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, том I.* Москва-Ленинград: Изд. АН СССР.
- Гумилев, Л.Н. (1967).** *Древние тюрки,* Москва: Наука.
- ДТС (1969).** *Древнетюркский словарь / Под ред. В.М. Наделяева, Д.М. Насилова, Э.Р. Тенишева, А.М. Щербака.* Ленинград: Наука.
- Зуев, Ю.А. (2002).** *Ранние тюрки: очерки истории и идеологии.* Алматы: Дайк-Пресс.
- Каржаубай, С. (2002).** *Объединенный каганат тюрков в 745-760 годах.* Астана: Фолиант.
- Кубатин, А.В. (2016).** Понятие «титул» у древних тюрков, *Ўзбекистон Республикаси Вазирлар маҳкамаси Тошкент ислом университети Илмий-таҳлилий ахборот, № 1, 2016, сс. 54–57.*
- Кызласов, И.Л. (2005).** Прочтение наскальных рунических надписей Кыргызстана, *Материалы и исследования по археологии Кыргызстана, Выпуск 1, 2005, сс. 54–67.*
- Кюннер, Н.В. (1961).** *Китайские сведения о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока.* Москва: Издательство Восточной литературы.
- Лурье, П.Б. (2005).** Заметки о раннеисламском дорожнике в Китай, *Материалы и исследования по археологии Кыргызстана, Выпуск 1, 2005, сс. 81–89.*
- Малов, С.Э. (1951).** *Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования.* Москва-Ленинград: Издательство АН СССР.
- Малов, С.Е. (1959).** *Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии.* Москва-Ленинград: Издательство АН СССР.

- МИДКНД (1984).** *Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / Введение, перевод и комментарии В.С. Таскина.* Москва: Наука.
- Трепавлов, В.В. (1993).** *Государственный строй Монгольский империи XIII в.* Москва: Восточная литература.
- Тугушева, Л.Ю. (2008).** *Тюркские рунические памятники из Монголии.* Москва: Инсан.
- Āgahī, Muḥammad Riẓā Mīrāb (2012).** *Jāmi‘ al-Vāqi‘āt-i Sulṭānī. Edited in the original Central Asian Turki with an Introduction and Notes by Nouryaghdi Tashev.* Samarkand-Tashkent: IICAS.
- Chavannes, E. (1903).** *Documents sur les Tou-kiue (Turks) occidentaux.* Saint-Petersbourg.
- Drompp, M.R. (2007).** Chinese “Qaghans” appointed by the Türks, *T’ang studies*, No25, pp. 1–20.
- Eski T’ang tarihi (2006).** *Eski T’ang tarihi (Chiu T’ang-shu) 194 a: “Türkler” bölümü: Çin kaynaklarında Türkler: açıklamalı metin neşri / İsenbike Toğan, Gülnar Kara, Cahide Baysal.* Ankara: TTK Basımevi.
- Rybatzki, V. (2000).** Titles of Turk and Uigur Rulers in Old Turkic Inscriptions, *Central Asiatic Journal*, Vol. 44, pp. 205–292.
- Stark, S. (2008).** *Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien. Archäologische und historische Studien.* Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag.
- Sümer, F. (1999).** *Türk Devletleri Tarihinde Şahis Adları.* İstanbul.
- Şirin User, H.Ş. (2009).** *Köktürk ve Ötüken Uygur Kağanlığı yazıtları. Söz varlığı incelemesi.* Konya: Kömen Yayınları.
- Taşağıl, A. (1995).** *Gök-Türkler I.* Ankara: TTK Basımevi.
- Tekin, T. (2003a).** *Orhon Türkçesi Grameri.* İstanbul: Sanat kitabevi.
- Tekin, T. (2003b).** *Orhon yazıtları. Kül tigin, Bilge Kağan, Tunyukuk.* İstanbul: Sanat Kitabevi.

Tyan, E. (1986). Bay‘a. In *The Encyclopaedia of Islam. New edition.* (Volume 1, A-B, pp. 1113-1114). Leiden: Brill.

Received 3 Feb 2017, Screened 20 Oct 2017, Accepted 24 Nov 2017.

